ТРОФЕЙ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Трофей из преисподней / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248622-7

1942 год. Оперативная группа майора Максима Шелестова получает приказ найти на оккупированной немцами территории неподалеку от Сталинграда ученого-геолога Аристарха Витольда. За ним охотятся немцы, чтобы получить сведения о пустотах, образовавшихся под городом после выработки гипсовых отложений. Фашисты рассчитывают выйти по ним в тыл советским войскам и ударить в спину. В пекле страшных боев под Сталинградом найти человека — задача практически невыполнимая. Но оперативникам все-таки удается напасть на след ученого. Однако, чтобы доставить его в штаб живым и невредимым, нужно пройти не один круг ада...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-248622-7

ГЛАВА 1

В конце июля 1942 года северный фланг Южного фронта Красной армии был разгромлен. Попытка восстановить его путем контрудара бывшей ранее в резерве фронта 24-й армии с юга на Миллерово не удалась. Советские дивизии на подходе к Миллерово попали под удар основных сил немецкой 1-й танковой армии и понесли большие потери. В итоге немецкие войска вырвались на оперативный простор. Знойное летнее солнце стояло в зените, выжигая остатки травы и чахлого кустарника. Степь плыла перед глазами солдат, наполняя воздух густым, пыльным маревом. По изрытой колесами дороге, больше похожей на растянувшийся на километры участок пыльной целины, медленно двигалась колонна. Грузовики, запряженные лошадьми повозки с ранеными, усталые, запыленные пехотинцы — все это слилось в один нескончаемый, измученный по-

ток. Стоял гул моторов, приглушенные команды, скрип телег.

Группа майора Шелестова на выделенной ей полуторке влилась в колонну, надеясь, что дивизия, заняв позиции, свяжется со штабом армии и тогда оперативники будут знать, где его искать. В штабе 24-й армии имелась для особой оперативной группы Главного управления НКВД СССР срочная и важная информация. Но в создавшейся сложной ситуации никто не мог точно сказать, где искать штаб армии. Шелестов высунул голову из кабины грузовика и, придерживая фуражку, посмотрел на трех верховых, проскакавших в голову колонны. Это были разведчики артполка, и они очень спешили. Это было видно по тому, как бойцы нещадно нахлестывали своих лошадей.

— Что-то случилось! — крикнул из кузова Буторин.

Договорить Виктор не успел. Оперативники замолчали, прислушиваясь к какому-то далекому, нарастающему гулу. Не прошло и минуты, как воздух заполнил рокот авиационных моторов. Из-за холмов на западе появились самолеты. Они шли строгим строем, звеньями. «Юнкерсы»! А выше них под облаками, порой обгоняя бомбардировщики, пронеслись немецкие истребители.

— Воздух! — пронеслась команда по колонне, повторяемая командирами подразделений.

Бойцы оставляли автомашины, гужевые повозки сворачивали с дороги и уходили в степь, чтобы рассредоточиться и не попасть всем скопом под вражеские бомбы. Со скрипом стали поворачиваться турели зенитных пулеметов в кузовах грузовиков. Водитель полуторки Чекмарев свернул с дороги, оперативники прыгали из кузова на выжженную солнцем траву, а Шелестов торопил водителя:

— От машины, сержант, дальше! В степь!

А дальше все смешалось в хаосе. Сначала посыпались фугасные бомбы, вздымая в небо султаны земли и дыма, разметывая технику и людей. Вражеские самолеты встали в круг и, пикируя почти вертикально, обрушили на колонну свой смертоносный груз. Сплошная стена огня и черного дыма встала на дороге. Буторин что-то крикнул, указывая на небо, прежде чем они упали в канаву в стороне от дороги. Под облаками пронеслись «яки» со звездами на крыльях и сцепились с немецкими истребителями. Но советских машин было слишком мало, чтобы прорваться к бомбардировщикам. К вою моторов и свисту бомб, переполнявших воздух, добавились звуки пулеметных очередей — небо прошивали оче-

реди трассирующих пуль. Видно было, как один за другим, прошитые очередями, валились на бок, теряя высоту, самолеты, которые, оставляя черный шлейф дыма, устремлялись к земле. Они врезались в выжженную степь, добавляя огня, грохота и дыма. Советские летчики сражались отчаянно — они сумели сбить несколько вражеских истребителей. Пара «яков» прорвалась к «карусели» немецких бомбардировщиков и с ходу атаковала их. Даже сквозь страшный грохот разрывов и рев моторов было слышно ликование советских солдат. Один, второй... уже три бомбардировщика задымили и стали падать.

— Танки слева! — еле расслышали оперативники команду.

Советские солдаты бросились к орудиям. Большая часть лошадей была убита, с другими обезумевшими от бомбежки животными артиллеристы едва справлялись. Они заставляли их отъехать от дороги, разворачивали орудия, занимая позиции прямо в чистом поле. Пехотинцы ложились между орудиями и начинали малыми пехотными лопатами ковырять белую пыльную землю, чтобы вырыть для себя стрелковую ячейку. Тем не менее во всем этом, казалось бы, огненном хаосе почувствовался порядок, выучка и твердая рука командиров. Понесенные потери никак не могли

повлиять на людей, которые второй год сражались с врагом, напавшим на их Родину.

И вот к грохоту взрывов и пулеметной трескотне добавился новый, нарастающий гул — низкий, грозный и идущий откуда-то из-за линии холмов на горизонте. Это был ровный, металлический рокот танковых моторов. Воздух очистился от самолетов, «юнкерсы» повернули на запад, прекратив бомбежку, чтобы не попасть по своим. Опытные командиры отдавали приказы. Началась лихорадочная, почти невероятная в этом хаосе организация обороны. Пехотинцы зарывались в землю, насколько это было возможно, пулеметные расчеты катили станковые пулеметы на фланги. За их спинами в сотне метров полковая артиллерия ощетинилась стволами фактически в чистом поле. Любая форма рельефа, пусть даже еле заметная, использовалась для оборудования позиций пулеметчиков, бронебойщиков. Оперативники приготовили автоматы и залегли на краю овражка, больше похожего на весеннюю промоину у дороги. Двухметровая глубина, которая до этого казалась непроходимым препятствием для автомашин, теперь ощущалась какой-то маленькой ямкой, которая не может укрыть человека, а гусеницы вражеских танков ее даже не заметят. Люди лежали и напряженно смотрели туда, где

вдруг из-за холмов стали выползать темные точки приближающихся, обретающих зловещие формы танков с крестами на бортах.

Шелестов оглянулся на артиллеристов. Расчеты в поте лица пытались углубить и хоть немного замаскировать позиции своих орудий. Взлетали кирки, работали лопаты, и постепенно перед каждым противотанковым орудием вырастал хоть небольшой, но бруствер из земли и мелкого камня. Его маскировали сухим кустарником. Над позициями раздался приказ: «Без команды не стрелять!» Никто не расслышал звука выстрела, а в воздухе уже прошелестел первый снаряд. Он разорвался, не долетев метров пятьдесят до дороги, едва не угодив в пустой грузовик. Оперативники повернулись в сторону врага и увидели, что танки открыли беглый огонь по советским позициям. Они били без остановки, почти не целясь, и только сизые всполохи возле стволов танковых пушек подсказывали, какая машина произвела выстрел. Снаряды накрыли степь перед дорогой. То тут, то там взлетали комья сухой земли, вспучивались клубы дыма, со свистом разлетались осколки. Послышались первые крики: «Санитара сюда!»

— Разобьют они колонну! — крикнул Шелестову Буторин, сдвинув фуражку за затылок и

вытирая потный лоб. — В чистом поле ведь накрыли — зацепиться не за что.

— Если это прорыв немецких танковых частей в наш тыл, — спокойно заметил Сосновский, — то командование уже об этом знает и прорыв постараются своевременно закрыть, перебросив сюда подкрепление. Просто дивизии нужно продержаться какое-то время.

Шелестов посмотрел на спокойного, как всегда выдержанного Михаила, на сосредоточенного Виктора Буторина, а потом перевел взгляд на Когана. Вот что значит обстоятельность бывшего следователя особого отдела НКВД. Во всем у него порядок. И пока мы ждем приближения немецких танков, он аккуратно укладывает брезентовый подсумок с полными дисками к ППШ, проверяет свой пистолет. Достает из вещмешка две запасные обоймы к пистолету и рассовывает их по нагрудным карманам гимнастерки, чтобы далеко не лезть, когда кончатся патроны у автомата. Обстоятельный человек, для которого нет мелочей. Ну что же, ребята, придется и нам продержаться вместе с бойцами дивизии здесь, защищая этот клочок выгоревшей, высушенной солнцем степи и этот кусок изрытой гусеницами дороги. Но не важно, что здесь нет стратегически важных объектов, каких-то населенных пунктов. Это все равно

наша земля, это кусочек нашей Родины, и мы будем защищать его, как и любой другой участок своей земли. Как пограничники 22 июня 41-го до последнего защищали каждый отрезок своей границы, свой кусочек Родины.

Неподалеку заняли позицию бронебойщики со своим мощным ружьем, левее надевал каски расчет ручного пулемета, раскладывая в вырытой нише полные пулеметные диски. Танки шли на полной скорости, поднимая столбы пыли. Ровная местность, и поэтому фашистские бронированные машины пытались быстрее сократить расстояние до советских позиций. Держась на небольшом расстоянии за танками, сзади показались бронетранспортеры и грузовики. Значит, сейчас они будут высаживать пехоту. Хорошо знакомая тактика — атаковать, надежно прикрываясь танковой броней, а потом, когда танки из пушек и пулеметов подавят все огневые точки обороняющихся, пехота вырвется вперед и ринется в окопы.

— Километр, — монотонно констатировал Сосновский, глядя на вражеские танки в бинокль с дальномером. — Однако у артиллеристов выдержка!

— Они рассчитывают начать стрелять на постоянном прицеле, — пояснил Буторин, — чтобы

по мере приближения танков не крутить все время верньеры.

— Логично, — так же бесстрастно ответил Сосновский. — Девятьсот... Восемьсот метров.

— Огонь! — раздалась команда, и почти сразу же одно за другим противотанковые орудия открыли огонь.

Оперативники жадно смотрели на степь перед собой. Черные разрывы стали вырастать между танками, и казалось, ничто не может остановить эту стальную армаду. Но нет: вот один из снарядов нашел свою цель, вот второй, третий! Два танка в передней линии остановились и начали дымить. Вот еще одно попадание, и у немецкого танка во второй линии сорвало башню, и та, отлетев на несколько метров, рухнула на землю, подняв столб пыли. Вот еще два танка с сорванными снарядами гусеницами закрутились на месте, и другим пришлось объезжать поврежденных собратьев.

В степи горели уже несколько танков, но остальные, резко сбавив скорость, стали бить прицельно, по выявленным огневым точкам и позициям артиллеристов. Вражеские снаряды стали рваться среди пехотной цепи, где на прямой наводке стояли «сорокапятки», снаряды рвались среди наспех вырытых огневых позиций 76-миллиметровых дивизионных противотанко-

вых орудий. Пехота тем временем под непрекращающимся огнем продолжала окапываться. Но копать сухую, твердую как камень землю было почти невозможно. Ямы получались мелкими, больше похожими на неглубокие могилы. Одно за другим выходили из строя орудия. Вот уже три «сорокапятки» валялись вверх колесами на краю дымящихся воронок, вот снаряд разнес позицию 76-миллиметрового орудия. Обгоняя танки, вырвались вперед бронетранспортеры, поливая пулеметным огнем позиции пехоты. Немецкие грузовики остановились, и на землю стали прыгать пехотинцы. Заговорили советские пулеметы, но фашисты уже выстроились в нестройную цепь и побежали вперед. Танки снова пошли в атаку, продолжая вести огонь из пушек и пулеметов. Но несколько удачно выпущенных снарядов остудили их пыл, заставив снова сбавить скорость. Шелестов хорошо видел, что происходит впереди. Сейчас немецкая пехота прорвется к передовым стрелковым ячейкам, подавит огонь пулеметных гнезд, и танки снова рванутся вперед, утюжа гусеницами советские позиции.

Мимо оперативников санитар тащил, что есть силы упираясь ногами в пыльную горячую землю, окровавленное тело лейтенанта. Пехотинцы оглядывались на раненого командира. Шелестов руг-

нулся и, поднявшись над стрелковыми ячейками так, чтобы его было видно всем, его майорские «шпалы» на петлицах, закричал:

— Не спать! Куда оглядываетесь? Там Волга, там Сталинград за нашими спинами! Огонь по пехоте! Отсекать пехоту от танков!

Буторин едва успел дернуть командира за ремень и повалить на землю. В воздухе над головой запели пули, по краю оврага запрыгали пыльные фонтанчики. Первая волна немецкой пехоты, прижимаясь к броне, была отбита шквальным огнем. Но это была лишь прелюдия. Из-за дыма снова вырвались вражеские танки с крестами на бортах. Стальные чудовища были все ближе. Громко били противотанковые ружья, кто-то из пехотинцев пополз вперед со связками гранат навстречу танкам. Их гул заглушал все, даже стук собственного сердца. Земля содрогалась.

— Противотанковое ружье! — крикнул Буторин и указал на убитого молоденького красноармейца в десятке метров впереди и слева, чьи пальцы так и не разжались на прикладе ПТР.

Шелестов не видел, как Виктор пополз в сторону позиции убитых бронебойщиков, как он вскочил и одним броском преодолел расстояние, упал и перекатился в сторону. Пулеметная очередь стегнула по земле всего в нескольких метрах от

Буторина, но он уже добрался до позиции. Схватив тяжелое, неуклюжее ружье, он припал к земле. Глаза заливало потом, и Виктор рукавом гимнастерки вытер лицо. Он высматривал уязвимое место у стального зверя. Первый выстрел. Резкий, сильный удар в плечо. Буторин не промахнулся. В боку ближайшего танка, там, где располагался моторный отсек, вспыхнуло яркое пламя, затем черный дым. Экипаж начал поспешно выбираться из люков, но танкистов срезали стрелки. Второй патрон. Буторин вдруг осознал, что танки вокруг, что он уже стреляет не в лоб, а в боковую броню. Прорвались фашисты на пехотные позиции, прорвались! Второй выстрел не дал результата. Еще один патрон, выстрел! И еще один танк остановился, и из его башни повалил едкий серый дым.

Патроны, где еще патроны? Буторин обшаривал окопчик, дернул за лямку солдатский вещмешок, и тот лязгнул металлическим звуком. Вот они где! Неожиданно совсем рядом появился немецкий танк, с ревом развернулся на месте, и вот под его гусеницами оказался станковый пулемет. Фашистский танк пер и пер по окопчикам, давил пулеметное гнездо, давил тела, живые и мертвые. Казалось, ничто не остановит эту громадину. Откуда-то появился Коган без фуражки. В его руках была связка гранат. Бросок, и связка ударилась,

покатилась по вентиляционной решетке двигателя позади башни. Коган упал, и тут же раздался страшный взрыв, огненные языки вырвались из танкового мотора, превращая грозную машину в огненный смерч. Бутрин подполз к товарищу, Коган не мог подняться, он только тряс головой и что-то мычал. Бутрин подхватил его под руку и поволок назад к оврагу.

Теперь было хорошо видно, что немцы обходили их. Два танка выскочили на дорогу и понеслись, давя полуторки, конные повозки, мотоциклы. Шелестов и Сосновский лежали рядом и били из автоматов прямо перед собой, направо и налево, где в дыму видели серые ненавистные мундиры вражеских солдат. Михаил вдруг бросил автомат с опустевшим диском и кинулся куда-то в сторону. Шелестов стал прикрывать его, отползая следом. К счастью, Сосновский вовремя увидел, как по склону сполз боец с окровавленной головой, как упал рядом с ним ручной пулемет. Он схватил «дегтярь» и тут же развернулся всем телом вправо. По оврагу бежали несколько гитлеровцев, и Сосновский встретил их огнем, стреляя практически в упор. Он успел свалить четверых вражеских солдат, прежде чем замолчал пулемет в его руках, через тела товарищей перепрыгнул здоровенный немец. Плоский штык на его винтовке

блеснул на солнце, но Сосновский успел отшатнуться в сторону, ударом ствола пулемета отвести от себя штык, и они с немцем, сцепившись, покатились по сухой колючей траве.

Немец вдруг ослабил хватку, и Сосновский отпихнул фашиста. Рядом стоял Шелестов с пистолетом в руке и кричал что-то, указывая назад, на дорогу. В грохоте боя, лязге гусениц было не разобрать слов. Небо почернело от дыма разрывов. Сосновский стер с лица кровь и повернулся, решив, что все плохо, что они окружены, что танки зашли с тыла. Но к дороге через степь неслись «тридцатьчетверки», много «тридцатьчетверок»! Они стреляли и разворачивались атакующим фронтом. Перед ними были только горящие танки с крестами, только трупы вражеских солдат. И только теперь оперативники услышали, что над степью раздался гул, который стал нарастать, и вдруг с нечеловеческой силой понеслось русское «ура». Пехотинцы дивизии поднимались, примыкали трехгранные штыки к винтовкам и бежали за советскими танками, добивая отступающего в панике врага.

— Чекмарев? — неподалеку Буторин поднял кулак и стал грозить шоферу полуторки, который спешил к дороге со стороны отступающего врага. Пилотки на голове сержанта не было, рукав

порван, а в руке он держал немецкий автомат. — Чекмарев, ты чем должен заниматься?

— Да вон она, целая, — оскалившись, ответил коренастый сержант, махнув рукой в сторону своей машины, одиноко торчавшей под расщепленной березой. — Чего ей сделается! А я вот с трофеем.

Шелестов увидел, как один советский танк остановился, из люка стал выбираться танкист в кожаной куртке, а к нему уже спешил полковник из штаба дивизии. Не иначе, отбил немецкую атаку танковый полк из резерва армии. Уж они-то должны знать, где штаб 24-й. Чекмарев подбежал к своей машине, быстро осмотрел ее со всех сторон, потом запрыгнул в кабину и, не закрывая дверь, завел мотор.

— Все в кузов, — приказал Максим, подбегая к машине и запрыгивая в кабину. — Сержант, видишь вон тот танк и полковника рядом? Газуй к ним!

Как и следовало ожидать, штаб армии передислоцировался. Обстановка на фронте менялась чуть ли не ежечасно, и Шелестову предстояло решить непростую задачу: то ли следовать к новому месту расположения штаба армии, то ли попытаться успеть застать связистов ВЧ. И он решил ехать в направлении Алексеевского, где штаб

армии дислоцировался совсем недавно на территории центральной усадьбы одноименного совхоза. Пыль над степью стояла столбом и не успевала осесть. То и дело встречались разрозненные части, небольшие колонны беженцев со своим скарбом. Даже небольшое коровье стадо. Дважды дорогу и колонны атаковывали «мессершмиты», поливая беженцев и армейские колонны из пулеметов огнем и сбрасывая мелкие бомбы. Чекмарев только зло скалил зубы и вытирал пот на грязном от копоти лице.

— Доберемся до штаба, — Шелестов укоризненно посмотрел на шофера, — умоешься из моей фляжки и зашьешь рукав гимнастерки. Куда ты воевать-то бросился! Твое дело за машиной следить. Пилотку потерял.

— Пилотка у меня запасная под сиденьем есть, — спокойно возразил сержант. — А вы-то, небось, и сами в пекло бросились!

— Ну мы — это мы, — не нашел что возразить Максим, но, увидев колодец на краю сожженной деревни, указал на него рукой. — Давай туда. В канистру воды наберешь.

Колодцы в этой засушливой степи Придонья были редкостью. Поэтому неудивительно, что у колодца уже стоял грузовой автомобиль с группой бойцов. Шофер, отвинтив крышку радиатора, лил

туда воду из мятого жестяного ведра. Красноармейцы сидели в кузове, поставив между ног автоматы ППШ, и только повернули головы в сторону приближающейся полуторки. От кабины с открытой дверью отделился командир. Бросив окурок папиросы, он расправил новенькую гимнастерку под ремнем и двинулся навстречу оперативникам. Шелестов разглядел на его петлицах капитанскую «шпалу» и эмблему технических подразделений — военный инженер 3-го ранга.

— Смотрю на них — как только с парада едут, — хмыкнул Чекмарев, останавливая свою машину рядом с саперами. — За всю войну не видел у саперов такой чистенькой формы.

Шелестов открыл дверь и поставил ногу на подножку. Но в это время его привлекли звуки моторов. С дороги, поднимая жуткую пыль, свернули несколько мотоциклов и два бронеавтомобиля. Военный инженер остановился, четко отдал Шелестову честь и вернулся к своей машине. Его водитель уже завел мотор. Шелестов смотрел на приближающуюся группу. Он сразу забыл о саперах, увидев бронеавтомобили БА-20. Скорее всего, штабные или разведывательные из штаба армии. Вот кто нам нужен! Чекмарев уже подбежал к колодцу со своей канистрой, опасаясь, что в прибывшей колонне может быть высокое начальство

и тогда ему с оперативниками придется стоять в очереди. Да еще его внешний вид после этого боя в степи вызвал бы негодование любого старшего начальника. А подводить Шелестова сержант не хотел. Он хоть и не любил всяких там особистов и НКВД, но эта группа, к которой его прикомандировали два дня назад, показала себя так, что у Чекмарева появилось уважение к майорам. Они оказались нормальными мужиками, храбрыми бойцами и довольно умелыми. Это сержант тоже оценил по достоинству. И главное, они не видели в каждом встречном предателя и шпиона.

Из бронемашины торопливо выбрался старший лейтенант в танкистском шлеме и с мокрыми от пота спиной и подмышками. Оперативники замерли на месте, уставившись на молодого офицера, который направился к ним. Буторин сразу отметил, что мотоциклисты не глушили двигатели, а автоматы держали под рукой. А вот пулеметная башня у одной бронемашины была развернута в сторону колодца, а у второй в сторону дороги. «Непростые ребята», — подумал Виктор и незаметно расстегнул кобуру пистолета.

— Прошу простить за бесцеремонность. — Рука старшего лейтенанта метнулась к головному убору, отдавая честь. — Обстоятельства сложные! Вы майор Шелестов? Это ваша группа?